

— Равви, учитель, восклицанья
Летятъ, хвала, вѣнецъ ему,
Веди насъ въ край обѣтованья,
Къ свободѣ, къ царству твоему...

„Паукъ, намъ скажутъ, ставитъ сѣти
Для мошекъ юныхъ, не для мухъ“...
Но эти жертвы — наши дѣти,
И страхъ за юность — нашъ недугъ.

Да не рекутъ твои зоицы:
— Послушать любо какъ поетъ,
А прослѣдите до могилы,
Его дѣла, какъ онъ живетъ.

Святой во время пѣснопѣнья,
Но смолѣть кивала грозный гласъ,
И на пути грѣха, паденья,
Пророка встрѣтите не разъ.

Какъ скажешь ты землѣ: „О, братья,
Я честно родниѣ служилъ,
Я несъ вамъ свѣтъ, любовь, объятъ,
И силъ для васъ я не щадилъ“.

— Ты лжешь, отвѣтятъ, искра-слово
Зажгло пожаръ средь мрачныхъ думъ...
Молчи, коль сердце не готово,
Смирн коварный, гордый умъ.

Н. Чаевъ.

1-е марта 1895 года.
Москва.

СМѢНА МІРОВОЗЗРѢНІЙ.

Н. Страховъ. Философскіе очерки. С.-Петербургъ. 1895 г.

I.

Сборникъ философскихъ очерковъ, изданный г. Страховымъ въ нынѣшнемъ году, завершаетъ собою длинный рядъ книгъ, содержащихъ наиболѣе обработанное изъ всего, что было имъ написано отъ дней нашего „возрожденія“¹, въ первые годы царствованія императора Александра II, и до предшествующаго года², когда мы потеряли его сына. На протяжении двухъ царствованій и почти полу-вѣка, впамя, которое несъ этотъ писатель, оставалось то же; и въ то время какъ даже такіе упорные борцы, какъ покойный Достоевскій, иногда подавались въ сторону противоположныхъ знаменъ, — авторъ, на книгѣ котораго мы останавливаемъ вниманіе читателей, ни однимъ жестомъ, никакимъ движеніемъ и ни въ какое время не выразилъ намѣренія въ чемъ-либо отдѣлаться отъ того, съ чѣмъ онъ былъ ранѣе слитъ, или съ чѣмъ-нибудь сблизиться, отъ чего былъ когда-нибудь отдѣленъ. Совершенная неизмѣняемость его духовнаго образа и не-

¹ „Изъ исторіи литературнаго нигилизма 1861—1865 гг.“ (Спб., 1890 г.), содержитъ рядъ полемическихъ статей г. Страхова, направленныхъ противъ Чернышевскаго, Автоновича, Писарева и др. Этотъ чрезвычайно интересный сборникъ вводитъ насъ въ живое средоточіе идейной и политической борьбы тѣхъ годовъ.

² „Преступленія особаго рода“ — статья, написанная по случаю убійства Сади-Карно и помѣщенная въ *Русскомъ Обозрѣніи* за 1894 годъ, была послѣднею статьею г. Страхова.

податливость литературнаго положенія есть его отличительная особенность.

Почти единственнымъ исключеніемъ изъ этого является его отношеніе къ Дарвину. Подобно тому, какъ самый важный трудъ этого англійскаго ученаго: „Origine of species“ былъ переведенъ на русскій языкъ С. А. Рачинскимъ, нѣкогда профессоромъ ботаники ¹ въ Московскомъ университетѣ и теперь смиреннымъ учителемъ Татевской школы, инициаторомъ, церковнаго направленія въ народномъ обученіи ²,—такъ провозвѣстникомъ этой теоріи въ нашей литературѣ, быть-можетъ, первымъ и, во всякомъ случаѣ, очень раннимъ ³, былъ г. Страховъ, впоследствии наиболее упорный и вліятельный борецъ противъ нея ⁴. Можно подумать, что въ первый моментъ ея появленія г. Страховъ былъ увлеченъ великими ея обѣщаніями и подкупленъ обильнымъ фактическимъ матеріаломъ, на какой она опиралась. Позднѣе, и очень скоро, ея логическіе недочеты яснѣе выступили и, ничего въ фактахъ Дарвина не отвергая, со многими его предположеніями соглашаясь, онъ, какъ и другіе серьезные критики, отвергъ ее, однако, въ цѣломъ, какъ объясненіе недостаточное ⁵ относительно своего предмета (органической міръ), какъ объясненіе невѣрное въ примѣненіи даже къ отдѣльнымъ важнѣйшимъ чертамъ органической жизни ⁶. Вмѣстѣ съ мону-

¹ Ему принадлежитъ прекрасно выполненный переводъ известной книги Шлейдена: „Жизнь растений“.

² См. его классическій трудъ—„Замѣтки о сельской школѣ“ (1892) и статью „Церковная школа“ (*Русское Обозрѣніе*, 1895, кн. 6, июнь).

³ См. его „О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи“. Спб., 1865, стр. 178 и слѣд. Отзвѣтъ, здѣсь высказанный объ дарвинизмѣ, свидѣтельствуетъ, съ какимъ живымъ интересомъ встрѣтилъ г. Страховъ появленіе теоріи англійскаго ученаго, и если впоследствии отношеніе его къ ней измѣнилось—это совершилось потому только, что возникшаго энтузіазма не могло поддержать послѣдующее размышленіе.

⁴ См. его обширныя статьи: „Дарвинъ“ (1872—73 гг.), „Полное опроверженіе дарвинизма“ (1887 г.), „Всеобщая ошибка дарвинистовъ“ (1887 г.), „Сужденіе Андр. С. Фаминцына о Дарвинизмѣ Н. Я. Давидовскаго“ (1889 г.),—всѣ въ сборникѣ статей: „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“. Книжка вторая. Изд. 2-е. Спб., 1890 г., стр. 305—542.

⁵ Г. Рачинскій не высказывалъ печатно своего позднѣйшаго взгляда на дарвинизмъ, но не будетъ нескромнымъ, если мы здѣсь сообщимъ, что изъ устныхъ бесѣдъ его мы имѣли случай узнать, что онъ также не раздѣляетъ вообще теоріи Дарвина.

⁶ См. его „О важнѣйшихъ понятіяхъ психологіи и физиологіи“. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. (последнія главы).

ментальнымъ трудомъ Давидовскаго ¹, на который напрасно пытался возразить что-либо представитель дарвинизма у насъ, какъ г. Тимпрязевъ и г. Фаминцынъ, статьи г. Страхова наиболѣе имѣли вліянія на установленіе истинныхъ взглядовъ на эту теорію въ нашемъ обществѣ, и какъ прежде трудно было встрѣтить человѣка, который при ея изложеніи или упоминаніи высказывалъ бы какую-нибудь оговорку, такъ теперь трудно встрѣтить человѣка, который бы этой оговорки не дѣлалъ.

За этимъ небольшимъ исключеніемъ, мы находимъ взгляды г. Страхова не измѣнившимися на протяжении почти полу-вѣка, и если статьи свои, написанныя 20—30 лѣтъ назадъ, онъ издаетъ теперь, то потому, что онъ ничего не утратилъ въ его глазахъ въ своей истинности; но общество, которое было неблагоприятно настроено для принятія его идей въ моментъ ихъ появленія, измѣнилось до неузнаваемости, и въ лицѣ „дѣтей“ своихъ, въ 80—90 гг., съ живымъ вниманіемъ пріивѣтствуетъ писателя, котораго не хотѣло знать въ лицѣ „отцовъ“, въ 60—70 годы.

Такимъ образомъ замѣтный ², если не замѣчательный успѣхъ, выпавшій на долю писателя, котораго мы указываемъ читателямъ, есть послѣдствіе смѣны мировоззрѣній, переживаемой нашимъ обществомъ и, кажется, обществами цѣлой Европы. Мы указали на дарвинизмъ, какъ падающее воззрѣніе на природу органическую; но и контизмъ какъ воззрѣніе на строй человѣческихъ знаній, на задачи человѣческаго ума, и попытка Бокля объяснить исторію вліяніями внѣшней природы и свести ея сущность на прогрессъ знаній—или похоронены безвозвратно (какъ послѣдняя), или почти похоронены (какъ контизмъ съ его развѣтвленіями). Нѣтъ къ нимъ болѣе вниманія; нѣтъ чуткаго прислушиванія, что еще говорится въ предѣлахъ этихъ теорій или въ ихъ направленіи; и это важнѣе, нежели то, что онѣ не имѣютъ авторитетныхъ защитниковъ и продолжателей. Угасла самая надежда что-либо существенное узнать изъ этихъ теорій или что-нибудь драгоцѣнное пріобрѣсти черезъ нихъ, угасла эта надежда въ тысячахъ незамѣтныхъ умовъ, вовсе не писателей

¹ „Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе“. Спб. 1885 г. 2 т.

² Нѣкоторыя изъ его книгъ, какъ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“ и „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физиологіи“ вышли двумя изданіями; и одна „Кригическія статьи объ Ив. С. Тургеневѣ и гр. Л. Н. Толстомъ“ вышла уже третьимъ изданіемъ.

только, не ученыхъ кафедръ, но самаго общества. И вотъ отчего, если бы являлась даже геніальная попытка поднять снова эти ученія, она, мы въ этомъ убѣждены, не имѣла бы теперь никакого успѣха.

И, между тѣмъ, творенія напр. Кеплера или Ньютона—живутъ; даже въ забкой философіи—Платонъ и Аристотель продолжаютъ изучаться, Декартъ переводится и комментируется даже специалистами-физиками, Кантова теорія познанія служитъ направляющею основой при производствѣ опытовъ (Гельмгольцъ); Вико, Гердеръ, Гизо уважаются не менѣе теперь, чѣмъ когда они создавали свои историческія объясненія. Все это были люди *объективнаго* знанія. Такъ или иначе вѣры, на то или иное надеясь въ скрытой глубинѣ сердца, эти умы не допускали своихъ надеждъ, своей вѣры до внимательства въ объясненія мира. Дѣло познанія *потомъ* можетъ совпасть съ моею вѣрой; *теперь, пока я познаю*, оно къ ней не направляется мною, но идетъ къ своимъ цѣлямъ, своимъ методомъ, ему свойственными путями. Вотъ почему классификація причинныхъ основъ міра, какую мы находимъ у Аристотеля, съ интересомъ разсматривается и нами; механическія требованія картезіанства обязательны и для теперешняго физика; Вико помогаетъ и новымъ ученымъ при разборѣ историческихъ памятниковъ.

Этой объективности вовсе не было у основателей теорій, при паденіи которыхъ мы присутствуемъ, и вотъ откуда — ихъ недолговѣчность. Теоріи эти не были продуктами *исканія*, въ своемъ содержаніи онѣ не суть *знанія* о мірѣ, но — концепціи (идеи) міра, его *представленія*, вытекшія изъ настроенія исторіи въ моментъ ихъ появленія. Ог. Контъ признавался, что онъ никогда не читалъ Канта, то-есть, онъ не *искалъ* раиѣе, чѣмъ нашель. *Гдѣ, какъ* строить мировоззрѣніе—это было уже, раиѣе самаго построенія, определено моментомъ вѣры, въ которой никогда не колебался французскій мыслитель. На *мнстѣ*, этою вѣрой определенномъ, въ *стиль*, этою вѣрой продиктованномъ, онъ воздвигъ философское зданіе, построилъ систему понятій, утвержденій, отрицаній, въ которой его вѣра, субъективная и никогда не высказанная, жила наиболѣе привольно, наименѣе связанно, гдѣ никакому ея движенію, ни одному самому смѣлому предположенію не встрѣчалось преграда. Чтѣ за дѣло до того, что она была пуста отъ всѣхъ обычно понимаемыхъ элементовъ вѣры: религіи и всего, чтѣ изъ нея вытекаетъ или къ ней под-

готовляетъ сердце. Она была вѣра по законамъ своего образованія, по способу возникновенія, наконецъ—по слѣпому невниманію къ возраженіямъ, какія могли-бы быть противъ нея представлены. Это была вѣра не о по-ту-стороннихъ вещахъ, какъ всякая—и эта вѣра истинному знанію не можетъ мѣшать¹; но—

¹ Намъ всегда казалось, что вѣра въ законныхъ своихъ предѣлахъ, то-есть касаясь по-ту-стороннихъ вещей, не только не связываетъ прогрессъ науки, но вслѣдствіе одной рѣдко замѣчаемой ея особенности, ему даже способствуетъ. Мы позволимъ себѣ повторить здѣсь мысли объ этомъ, высказанныя нѣсколько лѣтъ назадъ: „*Отчетливостъ* мышленія, строго отдѣляя известное отъ неизвѣстнаго, повсюду выдѣляетъ грань между ними; и такъ-какъ известное обыкновенно находитъ свое объясненіе и для себя опору въ неизвѣстномъ, то отсюда вытекаетъ постоянное стремленіе ума все глубже и глубже спускаться въ область неизвѣстнаго. Замѣтимъ, что это постоянное сознаніе грани между известнымъ и неизвѣстнымъ есть условіе, безъ котораго невозможно развитіе науки,—а между тѣмъ оно встрѣчается не часто. Обыкновенно не сознаютъ отчетливо этой границы, и неизвѣстное считается уже известнымъ; это совершенно убиваетъ науку, потому что убиваетъ источникъ ея — стремленіе узнать неизвѣстное: нѣтъ интереса изслѣдовать то, что кажется уже известнымъ. Вотъ почему вѣрующая религія со своею нетерпимостью и преслѣдованіями гораздо менѣе повредила развитію науки, чѣмъ *вѣрующей скептицизмъ*. Первая не скрывала, что есть многое необъятное, что остается неизвѣстнымъ для человѣка. Поэтому эпохи ея господства отмѣчены въ исторіи великою пылкостью духа и плодотворными открытіями. Вся греческая философія выросла и развилась въ глубоко религиозное время: Ксенофанъ, Емпедоклъ, Парменидъ, Анаксагоръ, Сократъ и ученики его—все они жили въ эпоху, чуждую распущенности религиознаго чувства, и потому-то именно во всей жизни и въ каждомъ словѣ ихъ чувствуется такая удивительная любознательность, и любовь ихъ къ трудно доставшейся истинѣ была такъ велика, что нѣкоторые изъ нихъ ради нея рѣшались оставить отечество, а другіе приняли смерть. Также и въ Европѣ эпоха высшаго развитія религиознаго чувства отмѣчена великими системами схоластической философіи—Альберта Великаго, Дунса-Скота, Вил. Оккама, Рожера Бэкона и многихъ другихъ; а полное оушевленія реформаціонное обновленіе церкви тотчасъ-же за собою вызвало основаніе новой философіи и почти всѣхъ наукъ, какія существуютъ теперь: Декартъ участвовалъ въ 30-лѣтней войнѣ, ему современникомъ былъ Бэконъ, а учениками перваго были Гейлинкъ, Малбраншъ, а втораго—Локкъ и Ньютонъ, все одинаково провинувшее высокой религиозностью. Напротивъ, то, что мы называли *вѣрующимъ скептицизмомъ*, эта увѣренность, что въ неизвѣданныхъ еще областяхъ бытія нѣтъ ничего отличнаго отъ того, что есть въ извѣданномъ, всегда порождала умственный индифферентизмъ, при которомъ невозможно плодотворное изысканіе въ наукѣ. Такъ все эпохи религиознаго упадка были вмѣстѣ и эпохами умственнаго паденія. Когда пала греческая религія, съ нею и философія выродилась въ безплодную александрійскую ученость; когда съ Возрожденіемъ временно палъ католицизмъ, пала и схоластическая философія, а новая, это замѣчательно, не зародилась,—она, какъ сказано

о вещахъ этого міра, о характерѣ ихъ сложенія, происхожденія, конечнаго назначенія, и съ силою истиннаго суевѣрія, обычнаго предрасудка она связывала прогрессъ ума, дѣлала невозможнымъ какой-либо успѣхъ вѣдѣнія. Такъ извѣстно, что область астрономіи Коптъ хотѣлъ ограничить изслѣдованіемъ солнечной системы, за границами которой, по его настойчивому предположенію, не было ничего, кромѣ ея-же повтореній. Достаточно указать на изучаемое теперь движеніе самой солнечной системы въ междузвѣздныхъ пространствахъ, чтобы оцѣнить, какъ могла-бы отозваться на наукѣ его попытка не допускать направляться телескопъ за границы нами обитаемаго міра.

Такимъ образомъ долговѣчность этихъ воззрѣній, не опиравшихся на объективныя данныя, могла быть продолжительна лишь въ мѣру достоинства заложеной въ нихъ вѣры. Есть виды вѣры болѣе долговѣчныя, чѣмъ наилучшія философскія концепціи и почти также прочныя какъ простыя реальныя знанія (самыя прочныя изъ приобрѣтеній ума). Такова вѣра въ безсмертіе души, въ Бога, въ загробное существованіе. Очень есть мало объективныхъ данныхъ, которыя поддерживали-бы эту вѣру; очень трудны философскія соображенія, на которыя она могла-бы опереться. Но въ самомъ существѣ этой вѣры есть столько достоинства, что и не поддерживаемая ничѣмъ, иногда погребенная подъ градомъ насмѣшекъ, скептицизма, опроверженій—она вновь и вновь съ не удержимою силой возрождается въ человѣкѣ. Какъ вы ни сгибайте дерево, направленіе его роста останется вертикальнымъ; мы не знаемъ, почему это; не догадываемся—для чего; мы даже догадываемся, что стелаясь по землѣ—оно съ болѣшимъ удобствомъ переносило-бы свою тяжесть; и, однако, вопреки всѣмъ даннымъ, наперекоръ догадкамъ, обманывая ожиданія—его стволъ есть вертикаль или стремится стать таковою. Человѣкъ вѣритъ въ нѣкоторыя истины; и, безъ сомнѣнія, есть реальное для этой

уже, появилась только послѣ Реформациі. Это соупотребленіе двухъ фактовъ, сильной религіозности и духа научнаго изысканія, продолжавшееся въ теченіе всей исторіи человечества, заставляетъ предполагать между ними причинную связь, и мы ее находимъ въ постоянномъ сознаніи при религіозности *границы*, отдѣляющей извѣстное отъ неизвѣстнаго. Оно, это сознаніе, лежащее слѣдствіемъ въ религіи и причиною въ наукѣ, дѣлаетъ то, что наименѣе религіозные народы и эпохи суть вмѣстѣ и наименѣе способны къ наукѣ, и обратно—наиболѣе религіозныя обнаруживаютъ наибольшее творчество въ ней. („О пониманіи; опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія“. М. 1886, стр. 696 и слѣд.).

вѣры основаніе, но только оно скрыто отъ него,—какъ и дерево, поднимаясь къ солнцу, ничего не знаетъ объ астрономическомъ значеніи этого свѣтла.

Безъ сомнѣнія, именно ничего реальнаго, хотя-бы и скрытаго, не было подъ вѣрою, которая была общимъ родникомъ концепцій, о которыхъ мы упоминали. Онѣ были продуктомъ частнаго и мѣстнаго духовнаго настроенія, какое переживала Европа отъ 48 года до 80-хъ годовъ, и съ его ослабленіемъ—падаютъ. Чтобы на какой-нибудь детали показать, какъ мало жизнеспособности было въ нихъ, мы остановимъ вниманіе читателей на двухъ воззрѣніяхъ на исторію, высказанныхъ Бюклемъ и которыя въ свое время казались чѣмъ-то аксіоматичнымъ.

Это—воззрѣніе, что, во-первыхъ, человѣкъ въ своей исторіи управляется высшими обстоятельствами, въ частности—физическою природою; и во-вторыхъ, что прогресспрующая часть этой исторіи сводится къ накопленію знаній.

Вотъ—Италія, и какъ передъ нашими глазами была она, такъ ее видѣлъ и Бюкль, и еще бездну читаль о ней, о чемъ сообщилъ въ спискѣ трудовъ, нѣсколько тщеславно приложенномъ въ началѣ его книги. Подъ тѣмъ-же вѣчно синимъ небомъ, на той-же суглинявой почвѣ, въ виду тѣхъ-же Аппенинъ, извергающаго Везувія, далекой Этны, на берегахъ тѣхъ-же маленькихъ рѣчекъ и великолѣпныхъ залвовъ росъ и „железный“ Римъ, и дышащая нѣгой, красотой, безсміемъ эпоха Возрожденія; что замѣчательно особенно—это то, что, возражаясь, она вмѣла даже для себя прототипомъ „железный Римъ“, пыталась, усиливалась, гася въ себѣ всякую оригинальность, повторить его въ языкѣ, манерахъ, всемъ прочемъ—перестать быть въ себѣ и воссоздать его. Ради точности воспроизведенія, въ лицѣ нѣкоторыхъ даровитѣйшихъ людей, какъ Лоренцо Валла, она даже возвратилась къ язычеству. Но вотъ что поразительно: въ результатѣ этихъ усилій обезличиться, умереть въ себѣ—получилась оригинальнѣйшая во всемирной исторіи эпоха, съ глубокимъ самостоятельнымъ значеніемъ; а главное—эта эпоха вопреки своему язычеству, латыни своихъ поэтовъ и прозаиковъ, республиканскимъ попыткамъ (Коло ди Ріензи) гораздо менѣе напоминала собою воспроизводимый образецъ, нежели какъ напоминала его далекая, подъ угрюмымъ сѣверомъ выросшая Москва, едва умѣвшая прочитывать самое слово „Roma“ и, вѣроятно, произносившая его съ какимъ-нибудь славянскимъ акцентомъ: та же религіозность

и та же вѣдѣнность въ религіозномъ, то же „собрание земель“, то же преобладаніе нужды надъ удовольствіемъ, заботы надъ отдыхомъ, обычая надъ личною инициативой; то же молчаніе устъ при безустанной работѣ рукъ. Небо Москвы и Рима, небо Италіи за 400 лѣтъ до Р. Х. и ея-же небо въ 1400—1500 г. послѣ Р. Х.—мы это видимъ, это кричитъ намъ, что человѣкъ не продуктъ природы, что природа на исторію его имѣетъ минимальное, исчезающее сравнительно съ другими условіями, вліяніе. И этого не видѣлъ Бокль, когда угрюмо-тупо писалъ свои рубрики: „вліяніе климата“, „вліяніе почвы“, „вліяніе общаго вида страны“ и подтверждалъ мысли, очевидно нелѣпыя, безконечными выписками изъ книгъ, которыми обложилъ себя.

Христіанскій міръ и—до-христіанскій; какъ мало знаній новыхъ принесъ Спаситель, и тѣхъ не доказалъ, только умеръ за нихъ или за что-то: что объ этомъ справиться, если это не были знанія! Что замѣчательно, Бокль самъ въ пространнѣйшей выпискѣ доказываетъ, что въ Евангеліи не содержится никакихъ болѣе новыхъ утвержденій, чѣмъ какія ранѣе высказывали уже Сенека, Цицеронъ, Сократъ и другіе. Онъ это пишетъ все; писалъ чернилами, какъ и я теперь, и вѣроятно что-нибудь думалъ въ это время. Міръ христіанскій и до-христіанскій—ничего общаго, полная противоположность, совершенное перерожденіе въ учрежденіяхъ, наклонностяхъ умственныхъ, порывахъ нравственныхъ; и въ точкѣ этого великаго раздѣленія—никакого новаго знанія, никакой реальной истины, расширившей горизонтъ человѣческаго вѣдѣнія. Какъ это ярко, какъ это многозначительно, какъ многоосмысленно—для насъ; но лучъ свѣта, снопы сіянія солнечнаго напрасно били въ помутнѣвшую ретину историка Англіи, и онъ видѣлъ передъ собою не міръ, не жизнь, не исторію, но только тупыя книжныя построенія своего за-ламанскаго учителя.

Вотъ факты; они ярки, они несомнѣны. И несомнѣнно-же plainly, почему, едва умерло поколѣніе людей, частнымъ и мѣстнымъ продуктомъ настроенія котораго явились эти ученія—эти ученія потеряли какую-нибудь значительность. Повторяемъ—они не опровергнуты; нѣтъ и не было нужды въ ихъ пространномъ опроверженіи. Чтобы подорвать Аристотеля—нужно было, чтобы родился Декартъ; но Бокль—онъ былъ уже старъ, онъ былъ уже архаиченъ во времена Аристотеля, съ точки зрѣнія его четырехъ видовъ причинности; онъ былъ опровергнутъ гораздо ранѣе, чѣмъ взялся за перо, и только не былъ самъ внимателенъ

къ тѣмъ опроверженіямъ, которыя были высказаны противъ его теорій высокими и точными умами, ранѣе его размышлявшими объ исторіи человѣчества.

II.

Мы сказали, что всѣ господствующія воззрѣнія, царившія въ умственной жизни Европы отъ 48 до 80-хъ годовъ, были продуктами вѣры. Можно объяснить это и до известной степени оправдать, сказавъ, что эти десятилѣтія были временемъ глубокаго и освѣжающаго сна для цѣлой Европы, въ который она впала послѣ чрезмѣрныхъ напряженій мысли, какія пережила отъ Канта и до Гегеля, отъ революціи 89—93 гг. прошлаго вѣка и до социальныхъ порывовъ 48 года. Дарвинизмъ въ сферѣ объясненій органической природы, кантизмъ въ сферѣ логической и механизмъ въ пониманіи цѣлой вселенной—эта была временная и великолѣпная нелѣпость, которой отдалась Европа, чтобы не утруждать своей мысли соображеніями болѣе тонкими, размышленіями менѣе поверхностными; это былъ необходимый отдыхъ ея Александрійскаго періода послѣ чрезмѣрныхъ напряженій творческаго и оригинальнаго ея генія. Замѣчательно, что въ то время, какъ въ области философской устанавливалось простое сочетаніе „точныхъ наукъ“, параллельно съ этимъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ науки разрасталась безконечная и безцѣльная эрудиція, безъ всякой почти мысли въ себѣ, безъ одушевленія, безъ порыва, безъ цѣли и, въ сущности—основанія. Такихъ прекрасныхъ идей, какими обязана Европа въ области филологіи братьямъ Гриммамъ, Вильг. Гумбольдту; такихъ монументальныхъ трудовъ, какъ сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ Боппа; такого прозрѣнія въ міръ искусства, какое далъ Винкельманъ и Лессингъ—мы и тѣни болѣе не находимъ въ позднія десятилѣтія нашего вѣка. Компляція вытѣсняетъ собою мысль; книга царитъ надъ идеей; печатный станокъ работаетъ тѣмъ живѣе, чѣмъ слабѣе и неподвижнѣе становится человѣчeskій духъ. Всѣ учатся, но уже ничего не производятъ; учатся обильно и почти ничего не извлекаютъ изъ своего ученія. Мы говоримъ, мы повторяемъ—это былъ великолѣпный сонъ, и теперь, когда онъ видимо оканчивается всюду, мы должны быть почти благодарны судьбѣ, что никакимъ яркимъ, упорнымъ, гениальнымъ противо-

дѣйствіемъ онъ не былъ въ свое время прерываемъ. Богъ хранилъ человѣка; онъ хранилъ его философскія силы въ то время, какъ самъ человѣкъ, въ невѣдѣніи, такъ горько оплакивалъ себя, свою судьбу, глубь философской ночи, изъ которой, казалось ему въ малодушіи, уже не будетъ пробужденія.

Эти напрасныя сѣтованія разбросаны всюду и у прекраснаго писателя, книга котораго невольно пробудила въ насъ всѣ эти мысли. Онъ былъ современникомъ наступленія глубокаго сна; онъ дѣлалъ, и безусловно, усилія, чтобы этому засыпанію помѣшать: скука, зѣвота, вялая насмѣшка служила ему естественнымъ отвѣтомъ. И когда, наконецъ, компляція и безсвязность окончательно овладѣла наукой и философіей, когда тысячелѣтній исполнитъ безцѣльно передвигалъ пальцами рукъ и ногъ и произносилъ отрывочныя слова, ничему дѣйствительному не отвѣчавшія,—удивленіе, горестъ, наконецъ раздраженіе овладѣли нашимъ авторомъ. Онъ искусственно понизилъ свой голосъ; онъ упростилъ свою рѣчь до дѣтскаго пониманія; специальность-ученый, онъ принялъ обликъ писателя для юношества, чтобы какъ-нибудь, какимъ-нибудь способомъ сдѣлать усвоимыми для людей своего времени тѣ понятія, которыя они такъ странно и вдругъ забыли. Отсюда, изъ этого историческаго положенія, вытекъ весь характеръ трудовъ г. Страхова, его манера, его темы. Онъ не создаетъ новаго, онъ напоминаетъ только старое. Онъ сталъ критикомъ не только въ области литературной, но и въ области научной и философской, всюду указывая на забытыя „вѣчныя истины“¹, пытался всюду завязать въ живой узелъ съ дѣйствительностью такъ странно, такъ безпричинно, такъ безосновательно оборванныя традиціи прежняго. Въ поэзіи онъ возвращаетъ наше вниманіе къ Пушкину—высочайшему образцу

¹ Одинъ изъ лучшихъ трудовъ его, вызванный вторженіемъ въ область науки спиритическихъ теорій, такъ и называется—„О вѣчныхъ истинахъ“ (Спб. 1887). Онъ посвященъ разъясненію основныхъ началъ физико-механическихъ наукъ, нарушеніе которыхъ было бы абсурдомъ, котораго мы не можемъ ожидать ни въ какое время, ни при какихъ условіяхъ, ни подъ давленіемъ какихъ-либо самыхъ лучшихъ пожеланій нашихъ. Въ обширномъ и превосходномъ вступленіи въ эту книгу онъ признаетъ правоту „душевнаго поворота“, который слышится за всѣми этими новыми испаніями, за попытками вырваться изъ граней естественныхъ наукъ; но указываетъ, что выходъ отсюда—не въ отказѣ отъ принциповъ механизма, но въ точномъ пониманіи, гдѣ эти принципы приложимы и гдѣ они не имѣютъ болѣе мѣста, гдѣ начинаются области другихъ категорій.

художества и всяческой красоты¹, въ критикѣ—къ приемамъ толкованія Ап. Григорьева², въ зоологіи—къ идеямъ Кювье, въ морфологіи—къ идеямъ Каспара Вольфа, нашего Бэра³, въ философіи—къ принципамъ Декарта и диалектическому движенію категорій Гегеля⁴. Онъ разъясняетъ этихъ писателей; онъ разрабатываетъ всюду элементы наукъ, тѣ „основныя понятія“, на фундаментѣ которыхъ позднѣе трудолюбіе, опытъ, наблюденіе возвели болѣе удивительныя на взглядъ, нежели трудныя зданія современныхъ знаній. Трудность именно тамъ, позади этихъ позднихъ надстроекъ, въ правильной установкѣ вопросовъ, на которые наука должна бы отвѣчать, въ опредѣленіи правильнаго метода, которымъ могли бы быть найдены отвѣты на эти вопросы. Отсюда съ критическимъ характеромъ работъ нашего автора соединяется методическій: онъ поправляетъ или отвергаетъ вовсе возникающія на глазахъ его теоріи именно въ методѣ, и гораздо менѣе—въ результатахъ. Дарвинъ и великое множество современныхъ натуралистовъ, не построивъ тѣ или нныя теоріи—ошиблись; они ошиблись, *упутивъ изъ виду* вопросы, которые вытекали изъ предложенной ими себѣ задачи; наконецъ, послѣдніе натуралисты—ошиблись, смѣшавъ въ чертахъ органическаго міра прибавочныя (физико-химическія) съ первыми, собственно органическими чертами, каковы *развитіе, размноженіе, раздѣленіе на поля, уродство* какъ отступленіе отъ нормы, *классифицируемость* и пр., и успѣхи физико-химическіе въ области физиоло-

¹ „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“. Спб. 1888. Пушкину здѣсь посвящено шесть статей, написанныхъ между 1886 г. и 1888 г. Остальныя статьи посвящены характеристикамъ И. П. Полонскаго, А. Н. Майкова, гр. А. К. Толстого, А. А. Фета, гр. А. А. Голеницева-Кутузова, Ф. П. Тютчева.

² См. его „Критическія статьи объ Ив. С. Тургеневѣ и гр. Л. Н. Толстомъ“. Изданіе третье. Спб. 1895. Методъ Ап. Григорьева и его достоинства выставлены здѣсь въ статьѣ, посвященной разбору первыхъ трехъ томовъ „Войны и мира“ гр. Л. Н. Толстаго. Почти не нужно говорить, что раздѣляя точку зрѣнія Ап. Григорьева, г. Страховъ, по значительности своей критической работы, становится съ нимъ рядомъ и нисколько за нимъ не слѣдуетъ, соработаетъ съ нимъ и нисколько ему не подчиняетъ. Это, впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду и въ научныхъ произведеніяхъ нашего автора, въ которыхъ всѣхъ онъ критикуетъ, одобряетъ и выдѣлываетъ не подчиняется,—мы хотимъ сказать, не подчиняется авторитету, но только истинѣ, имъ самимъ узанной и указываемой у другихъ, имъ самостоятельно доказываемой.

³ См. его „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физиологіи“. Изд. второе. Спб. 1894 г.

⁴ Тамъ же, первая часть, а также „Философскіе очерки“. Спб. 1895 г.

гип¹ принимая за успѣхъ самой физиологіи, въ дѣйствительности забытой, оставленной въ тѣни въ ея собственныхъ задачахъ. Какъ это ни удивительно, мы въ этомъ забвеніи снова находимъ шагъ назадъ даже отъ Аристотеля: уже онъ во всякомъ порядкѣ явленій псалъ его τὸ τί ἦν εἶναι—то, что именно его дѣлаетъ таимъ, ни съ чѣмъ не схожимъ, ни съ чѣмъ не сливаемымъ порядкомъ и научалъ различать это отъ вторичныхъ чертъ, которыя, въ немъ повторяясь, принадлежать какъ главное другимъ порядкамъ, и ихъ собою характеризуютъ. Вѣдшій, не живой міръ есть собственная сфера физико-химическихъ силъ; и если онъ и повторяются въ организмахъ, также странно было бы подъ угломъ ихъ разсматривать организмы, какъ грозу, бурю, дуновение вѣтра, вращеніе земли около оси—было бы странно разсматривать подъ угломъ зрѣнія органическимъ только потому, что грозу испытываетъ человѣкъ, что буря разражается надъ лѣсомъ и зеленѣющимъ полемъ и, наконецъ, на вертящейся землѣ обитаетъ весь органической міръ. Мы сводимъ заблужденія наукъ къ простымъ, понятнымъ истинамъ; и поздній потомокъ нашъ будетъ удивленъ, какимъ образомъ эти понятныя истины, нарушая которыя умъ человѣческой долженъ бы стыдливо затанваться—въ вѣкъ странный, въ годы неповторимые не только нарушались, но нарушались съ торжествомъ, съ упоеніемъ успѣхомъ, съ высокомернымъ пренебреженіемъ къ годамъ, когда эти истины помнились, къ людямъ, которые объ этихъ истинахъ напоминали.

III.

Мы снова возвращаемся къ писателю, который, не сознавая значенія историческаго момента, въ который родился, такъ неудачно, такъ напрасно пытался помѣшать установленію и торжеству нѣкоторыхъ теорій,—такъ къ счастью, прибавимъ, не помѣшала имъ установиться. Отсюда чувство скорби и легкаго раздраженія, которое пронизываетъ всѣ его труды, отсутствіе довѣрія къ ходу исторіи, полу-негодование, полу-презрѣніе къ тому,

¹ Мы хотимъ сказать, что такія ученія, какъ о механикѣ кровообращенія, какъ объ окисленіи тканей и крови, какъ о химической сторонѣ питанія,—не составляютъ никакой части собственно физиологіи, а являются къ ней добавочными необходимыми главами.

что люди зовутъ прогрессомъ; объединяя это, скажемъ—ропотъ на Промыслъ Божій. Конечно, въ этомъ онъ былъ не правъ; конечно, исторія въ изъясненіяхъ своихъ и просвѣтлѣніяхъ, въ паденіяхъ и высокомъ торжествѣ, въ рытвинахъ, извилинахъ, прогалинахъ, шумящемъ борѣ есть чудо творенія Божія, передъ которымъ мы можемъ трепетать, дивиться, уразумѣвать, и никогда—негодовать, высказывать ропотъ, еще менѣе—имъ пренебрегать. Въ сущности, она есть то же, что жизнь организма, который тоже болѣетъ, имѣетъ несовершенства, старѣется, умираетъ и, однако, пока въ немъ длится жизнь—мы считаемъ святотатственнымъ къ нему прикоснуться и эту жизнь въ немъ погасить или въ чемъ-нибудь рѣзко нарушить ея законы. Въ организмѣ есть, мы сказали, своя химія и физика, но не она составляетъ его сущность; въ исторіи есть также физика нашихъ дѣлъ, химія нашихъ замысловъ, но не въ нихъ ея смыслъ: этотъ смыслъ—въ великомъ, странномъ, не постигаемомъ нами сочетаніи этихъ дѣлъ и замысловъ, изъ котораго выходитъ всякій разъ не то, что человѣкъ ожидалъ, къ чему стремился, на что надѣялся. Быть вѣчно удивленнымъ въ своей исторіи—это, по видимому, навсегда останется его удѣломъ на землѣ.

Зрителемъ одного изъ такихъ историческихъ удивленій сдѣлался на слонѣхъ лѣтъ писатель, котораго мы разбираемъ. Безъ всякихъ видимыхъ причинъ, безъ рѣзкаго будящаго колокола, безъ сильнаго толчка и только по истеченіи лѣтъ, достаточныхъ для отдыха, полу-вѣковой сонъ наукъ и философіи обанчивается. Отъ сердца, въ которомъ загорѣлась снова вѣра, кровь гонится къ периферіи великаго дремлющаго организма, наполняетъ анемичный мозгъ, и безъ спора, безъ противодѣйствія, безъ борьбы и страданія, призраки, владѣвшіе имъ, отлетаютъ прочь. Гдѣ эти умственные сумерки? гдѣ эта вѣрующая логика? гдѣ дѣтская метафизика, говорящая „нѣтъ“ о томъ, что не испытано, объ областяхъ, куда не заглянулъ никто? Гдѣ это знаніе о неизвѣстномъ, предвидѣніе о непредвидимомъ, и всѣ позитивныя „сны“, которыми грезило человѣчество и отъ которыхъ, повторяемъ, безъ причинъ—всюду пробуждается. Они забыты—тѣ сны; они передаются еще и пѣть не вѣрятъ; немногіе сателлиты еще на нихъ настаиваютъ и ихъ никто не хочетъ слушать. Міръ со своими таинствами, природа со своей неисчерпаемой глубиной снова стоитъ передъ человѣческой любознательностью; какъ, въ самомъ дѣлѣ, чуденъ онъ, какъ священна она—молиться, позна-

вать, это въ самомъ дѣлѣ одно и то же, потому что и такъ, и такъ мы прикасаемся къ Богу.

Но мы все отвлекаемся отъ писателя, который пробудилъ въ насъ невольно эти мысли. По крайней мѣрѣ, излагая ихъ, мы объясняемъ его особенную судьбу въ нашей литературѣ, его начинающійся успѣхъ послѣ долговременнаго невниманія. Намъ хочется, однако, показать хоть какъ-нибудь, хоть на какомъ-нибудь примѣрѣ, привлекательность книги, которая ожидаетъ вниманія читателя. Вотъ, почти безъ выбора, одна въ ней мысль, и мы думаемъ, она въ высшей степени способна пояснить то, что мы назвали въ природѣ ея глубиной, ея священнымъ смысломъ:

...„Человѣкъ есть зритель міра. Самая удивительная загадка заключается не въ томъ, что міръ существуетъ, а въ томъ, что у него есть зритель. Какъ бы чудесенъ ни казался намъ міръ, какъ бы поразительны ни были для насъ его порядокъ, стройность, красота, могущество, разнообразіе—наиболѣе чудесное и наиболѣе поразительное явленіе состоятъ въ томъ, что мы можемъ это видѣть и этому удивляться. Великолѣпнѣе свѣтъ солнца; „эти могучіе лучи дышатъ вѣчностью“, говоритъ одинъ поэтъ. Но этотъ свѣтъ получаетъ свое великолѣпіе отъ насъ; самъ себя онъ не видитъ и ничего не знаетъ о своемъ великолѣпнѣи. Картина міра сама себя не видитъ и сама для себя не существуетъ; но есть зритель, который видитъ эту картину, для котораго она существуетъ и который самъ для себя существуетъ. Вотъ самое большое чудо міра.

„Если мы скажемъ, что человѣкъ самъ породилъ этотъ міръ, что его мысль создала эту видимость, внесла въ нее свѣтъ, красоту, порядокъ, то это можетъ показаться страннымъ; но не будетъ ли казаться еще болѣе страннымъ, если мы скажемъ, что міръ породилъ человѣка, что мысль человѣческая есть произведеніе природы, и что, слѣдовательно, слѣпая картина породила изъ себя зрителя для того, чтобы онъ ее видѣлъ и ею любовался?

„Во всякомъ случаѣ, только здѣсь, только въ этой точкѣ мы прикасаемся къ истинной загадкѣ бытія и мышленія. Что бы ни существовало и какъ бы ни существовало, бытіе должно быть таково, чтобы возможно было мышленіе. И обратно—нельзя ничего понять, если мы не понимаемъ мышленія¹.

¹ Философскіе очерки. Спб. 1895. Статья: „Главная черта мышленія“, стр. 119—120.

Не правда ли, какъ это просто и вмѣстѣ какъ значительно? Читатель чувствуетъ, что это слова не занимающагося философіей, но философа. Мы хотимъ сказать, что этотъ тонъ и это отношеніе къ міру доступны тому только, для кого мышленіе не есть профессія, нужда, развлеченіе, но потребность, вытекающая изъ первичнаго сложенія духа. Такой человѣкъ въ эпохи ранняго развитія исторіи становится поэтомъ, позднѣе—философомъ. Ибо тотъ и другой имѣютъ въ основѣ нѣкоторое удивленіе къ міру, отражающееся въ первомъ какъ безотчетный восторгъ и во-второмъ—какъ возвышенное мышленіе.

Въ дняхъ лучшихъ, которые не могутъ не настать для философіи послѣ пробужденія, о которомъ мы упомянули выше, не забудется имя писателя, книгу котораго мы хотѣли и такъ мало сумѣли разобрать. Правда, онъ не изобрѣлъ ничего новаго въ мышленіи, не соединилъ своего имени съ какимъ-нибудь сильнымъ и оригинальнымъ движеніемъ мысли. Но еще можетъ быть вопросомъ: развѣ не оригинально въ вѣкъ, который истощался въ изобрѣтеніяхъ нелѣпнаго, сохранить полную трезвость ума и обладаніе своими чувствами? не принять никакого участія въ общей вакханалии? Въ годы, когда всякій выдумывалъ, когда всякій засыпалъ для прошлаго и исторію міра начинать съ минуты ему грезившаго сна, не оригинально развѣ, какъ бы уединившись на моментъ отъ исторіи, похоронить свое я подъ высокимъ куломъ къ забытому и дѣйствительному? И это именно онъ дѣлалъ, въ этомъ состояла миссія писателя, на которомъ мы остановили на минуту вниманіе читателя. И тотъ, который такъ много отдалъ культу любви, уваженія, такъ памятливъ былъ относительно всего добраго, мы вѣримъ—не будетъ лишень самъ этого культа и преданъ быстротечному забвенію.

В. Розановъ.